Державин Известия. — 1993. — 14 июля. — С. 7

14.07.93

Андрей ЧЕРНОВ, журналист

ПОЭТ И ВЛАСТЬ

Память о Гавриле Державине в свете приватизации

14 июля исполняется 250 лет со дня рождения Гаврилы Романовича Державина.

Говорят, во дворце китайских императоров на одном из плафонов написана державинская ода «Бог». Не думаю, чтобы Державина сей факт подивил. Как любой нормальный гений он знал цену лучшим своим стихам, цену своей лире. Он знал. Другие не знали.

Со школы мы если что и помним о Гавриле Державине, то уж во всяком случае не его стихи. И антирелигиозное советское воспитание, в сущности, здесь мало виновато. Державин закрыт для массового читателя, приученного к пушкинской «легкости». Он архаичен, тяжеловесен. Он не соловей, а снегирь российской поэзии. Поет ли зимний снегирь? Конечно, поет.

Владимир Набоков как-то обронил: Державин, мол, почти ничего не дал поэзии XIX века. Другое дело — поэзии века XX.

Как же так? — изумится читатель. Да разве не Державин передал свою лиру лицеисту Пушкину? Или Репин на своей картине все придумал, и не было того зимнего дня, когда юный отрок потряс патриарха русской Евтерпы «Воспоминанием о Царском Селе»?

Нет, конечно, день был.

Но, может быть, тогда Гаврила Державин передал лиру Василию Андреевичу Жуковскому?

Увы, и Жуковскому Державин ничего не передавал. Не мог. При всем желании. Жуковский и Пушкин были не преемниками, а преобразователями, реформаторами державинского наследия. И Державин благословил их на эту «ревизию», столь глубокую и тотальную, что для России весь XIX век прошел под сенью Жуковского и Пушкина.

И державинская ветвь нашей словесности словно оказалась заморожена.

Воспитанные на Пушкине словесники уже с середины XIX столетия Державина могли разве что «преподавать».

Лет двадцать назад в букинистическом на Новом Арбате я купил поразительно хорошо сохранившееся издание гимназической хрестоматии «Русская литература XIX века» и сначала решил, что книгу эту до меня так никто и не открывал. И лишь дома наткнулся на округлый карандашный почерк на ее полях: «Державин в этой оде рисует свой идеал человека и гражданина. Ода направлена против современных Державину пороков бюрократической системы». И т. д.

Более всего поразило, что школьник писал явно не советский: карандашные строки были выведены со всеми полагающимися ятями и ерами.

Но до стихов ли, когда тебе вдалбливают о «системе» и «идеале гражданина»?

Подозреваю, что в двадцать первом веке что-то подобное ожидает Владимира Маяковского, поэта «поздней державинской плеяды».

Впрочем, есть надежда, что это не так. и уже родившиеся читатели поэзии XXI столетия наших ошибок не повторят. Ибо у Гаврилы Державина в прошлом веке был лишь один ученик — Федор Тютчев, а в нынешнем не один. Причем столь разные! Мандельштам и Пастернак. Цветаева и Крандиевская. Хлебников и Ходасевич. Владимир Набоков и Иосиф Бродский.

В Царскосельском лицее, в том самом гимнастическом зале, где некогда Державин внимал стихам отрока Пушкина, только что прошла научная державинская конференция, организованная Институтом русской литературы РАН (в обиходе — Пушкинским Домом) и Всероссийским музеем А. С. Пушкина.

Череповецкий исследователь Р. М. Лазарчук сравнивал державинского «Снегиря» со стихами Иосифа Бродского «На смерть Жукова». Оба стихотворения не столь длинны, чтобы выхватывать из них цитаты.

Начнем с оды нашего современника, написанной им в 1974 году, уже в изгнании:

Вижу колонны
замерших внуков,
гроб на лафете,
лошади круп.
Ветер сюда не доносит
мне звуков
русских военных
плачущих труб.
Вижу в регалии
убранный труп:
в смерть уезжает
пламенный Жуков.
Воин, пред коим
многие пали
стены, хоть меч был
вражьих тупей,
блеском маневра
о Ганнибале
напоминавший
средь волжских степей.
Кончивший дни свои
глухо, в опале,
как Велизарий или Помпей.
Сколько он пролил
крови солдатской
в землю чужую!
Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий
в штатской
белой кровати?
Полный провал.
Что он ответит,
встретившись в адской
области с ними?
«Я воевал».
К правому делу
Жуков десницы
больше уже не приложит
в бою.
Спи! У истории русской
страницы
хватит для тех,
кто в пехотном строю
смело входили
в чужие столицы,
но возвращались в страхе
в свою.
Маршал! поглотит
алчная Лета
эти слова и твои прахоря.
Все же, прими их —
жалкая лепта
родину спасшему,
вслух говоря.
Бей, барабан,
и военная флейта,
громко свисти
на манер снегиря.

В середине семидесятых в доме у поэта Валентина Берестова тогда еще очень юный ижевский поэт Олег Хлебников читал эти стихи по тетрадочке («Дай слова списать!»). Читал вдохновенно и недоуменно: «Почему же здесь так не пишем?» И кто-то сказал: «Идиоты, они вытолкали за кордон того, кто мог стать их собственным Державиным!»

Почему-то это было очевидным и доказательств не требовало. А теперь державинская ода на смерть Суворова, май 1800 года.

Что ты заводишь
песню военну
Флейте подобно,
милый снегирь?
С кем мы пойдем
войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш?
Кто богатырь?
Сильный где, храбрый,
быстрый Суворов?
Северны громы
в гробе лежат.
Кто перед ратью
будет, пылая,
Ездить на кляче,
есть сухари;
В стуже и в зное
меч закаляя,
Спать на соломе,
бдеть до зари;
Тысячи воинств,
стен и затворов,
С горстью россиян
все побеждать?
Быть везде первым
в мужестве строгом,
Шутками зависть,
злобу штыком,
Рок излагать
молитвой и Богом,
Скипетры давая,
зваться рабом,
Доблестью быв
страдалец единых,
Жить для царей,
себя изнурять?
Нет теперь мужа в свете
столь славна:
Полно петь песню военну,
снегирь!
Бранна музыка днесь
не забавна,
Слышен отвсюду
томный вой лир;
Львиного сердца,
крыльев орлиных
Нет уже с нами! —
что воевать?

Наверное, Анна Ахматова права: поэзия — одна великолепная цитата. Важно, кто и зачем цитирует. И еще — как цитирует. И когда в наши дни нацист в маске провинциального телерепортера допытывается у отставного генерала КГБ, почему-де «офицеры-патриоты» не спешат повторить недавний поход бакинского полковника, ответ дают поэты. И дело даже не в том, что среди нынешних «патриотов» нет ни Жукова, ни Суворова. И не в том, что «скипетры даря», российские полководцы «звались рабами», а, входя в чужие столицы, в свою возвращались со смирением и страхом. Как это ни странно — дело в фундаментальных традициях русского воинства, следуя коим российская армия всегда была вне политики. (Это доказало и 19 августа 1991 года!) Дважды—в декабре 1825-го и в феврале 1917 года традиция была нарушена, и каждый офицер знает, что к добру это не привело.

Русская интеллигенция начинается не с Державина, а с Радищева и Рылеева. Русская интеллигенция самой самодержавной властью была поставлена в оппозицию власти. Но означает ли это, что Гаврила Державин, занимавший при Александре I пост генерал-прокурора (то есть министра юстиции), не был интеллигентом?

Кто приложил все силы, чтобы Александр I начал расследование по делу об убийстве Павла I? Державин. Другое дело, что Александр расследование не начал. Но как минимум цареубийцы перестали хвастать своим подвигом и попали в опалу. (Увы, для России — это уже очень много!) Кого тот же Александр во время одного из докладов вынужден был прервать гневной и наивной жалобой: «Ты меня всегда хочешь учить, я самодержавный государь, и так хочу»? Тоже Державина.

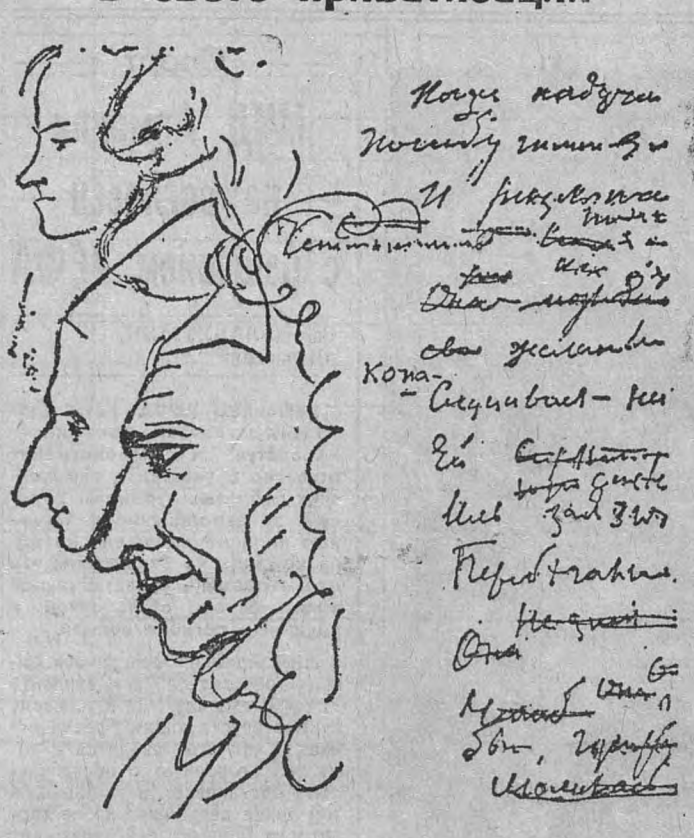
Дух веет там, где хочет. Не переходя в оппозицию и не становясь революционером, этот человек говорил трем царям истину отнюдь не всегда с улыбкой. Но с улыбкой и «в сердечной простоте» мог беседовать о Боге, умел беседовать и с самим Богом — страшно даже вывести это — на равных. Человек XVIII столетия, он с улыбкой рассуждал и о собственной смерти, ибо был не суетным, а «космическим» оптимистом. И из неотесанных глыб языка осьмнадцатого века составил свой памятник: «И слава возрастет моя, не увядая, доколь славянов род вселенна будет чтить».

Рассказывают, что, когда будущему поэту исполнился год, над его родиной, Казанью, стояла семихвостая комета. Народ страшился, а Державин, взглянув на небо, произнес первое свое слово. Не «мама» или «папа», а — «Бог». Чем поразил окружающих больше, чем само небесное знамение.

Рискну предположить, что годовалый ребенок мог сказать не «Бог», а «Ох»! Но у поэтов оговорок не бывает, и детское восклицание удивления и радости уже было первым его шагом к познанию неба, равно как и самого себя.

Радость перед открывшейся бездной, не мертвой и холодной, но теплой и одушевленной добрым к человеку разумом, — вот отличие Просвещения по Державину от Просвещения по Вольтеру. Державину не надо было выдумывать того, о чьем существовании он и так знал, чью заботу и благодать испытывал даже в самые тяжкие минуты своей жизни.

В начале 1826 года Пушкин, получив известие о декабристском восстании, на черновике «Евгения Онегина» изобразил рядом с профилем Вольтера и профиль Державина. Набросок этот никогда не атрибутировался. Мы ведь так плохо знаем Державина, а его стихи так редко звучат с эстрады и по телевидению.



«Вольтер и Державин» на черновике «Евгения Онегина». В тетради ПД 835, л. 80 оборот. Январь 1826 г.

У нас до сих пор нет даже музея русской литературы XVIII века.

Такой музей должен быть в Петербурге, на Фонтанке, 118. И решение о нем принималось еще «союзным» правительством.

Сейчас вокруг дома Державина в Питере кипят нешуточные страсти. За дом спорят несколько организаций — ИРЛИ РАН вместе со Всероссийским музеем А. С. Пушкина и коммерческое акционерное общество «Технопарк». Госкомимущество (в лице Анатолия Чубайса) решать проблему отказалось, Малый совет Петросовета отменил решение городского КУГИ, передававшего часть усадьбы поэта «Технопарку», академик Дмитрий Сергеевич Лихачев обратился к городским властям с резким открытым письмом, прося избавить город от позора и развернуть мемориальный и литературный музеи там, где им и положено быть.

Словом — скандал.

Дозваниваюсь до Анатолия Собчака, чтобы спросить, что же по этому поводу думает мэр Петербурга. Мэр заверяет, что создание музея — дело решенное. Правда, нет денег на реставрацию, но они изыскиваются. Дом уже расселен: последняя семья из последней его коммуналки ждет ордера.

Впрочем, сей сюжет не для оды, даже газетной. Как заметил российский депутат Никита Алексеевич Толстой, председатель общественного попечительного совета дома Державина: «Вся эта гаврилиада, может быть, столь же неприлична, как пушкинская, но куда менее смешная!»

А пока директор Вероссийского музея А. С. Пушкина Сергей Некрасов открыл в Лицее державинскую выставку. Он уверяет, что будет она работать до тех самых пор, когда экспозиция сможет переехать на Фонтанку. 14 июля, если вновь не подведут производственные службы, в Петербурге перед державинским домом будет открыт памятник поэту. Он уже отлит. Проблемы — с постаментом. Покуда его изготавливают, режиссер Петербургского интерьерного театра Николай Беляк вывесил над домом штандарт Державина и пригласил пол-Петербурга откушать любимые державинские блюда, приготовленные по рецептам из стихов поэта. И пока гости уминали почти двухметровую щуку, фаршированную по всем правилам кулинарной науки, Беляк поделился со мной, по-видимому, очень верным рассуждением:

— Вся эта ситуация с домом Державина — даже чересчур типична для наших дней. Проблемы сохранения культуры сегодня входят в противоречие с проблемами приватизации и проблемами технической цивилизации XX века. Уже ясно, что силовые методы и здесь вредят всем.

Итак, 14 июля, в день взятия Бастилии, милости просим в гости к Гаврилу Романовичу. Пока не в дом — в сквер и парк на Фонтанку, 118.